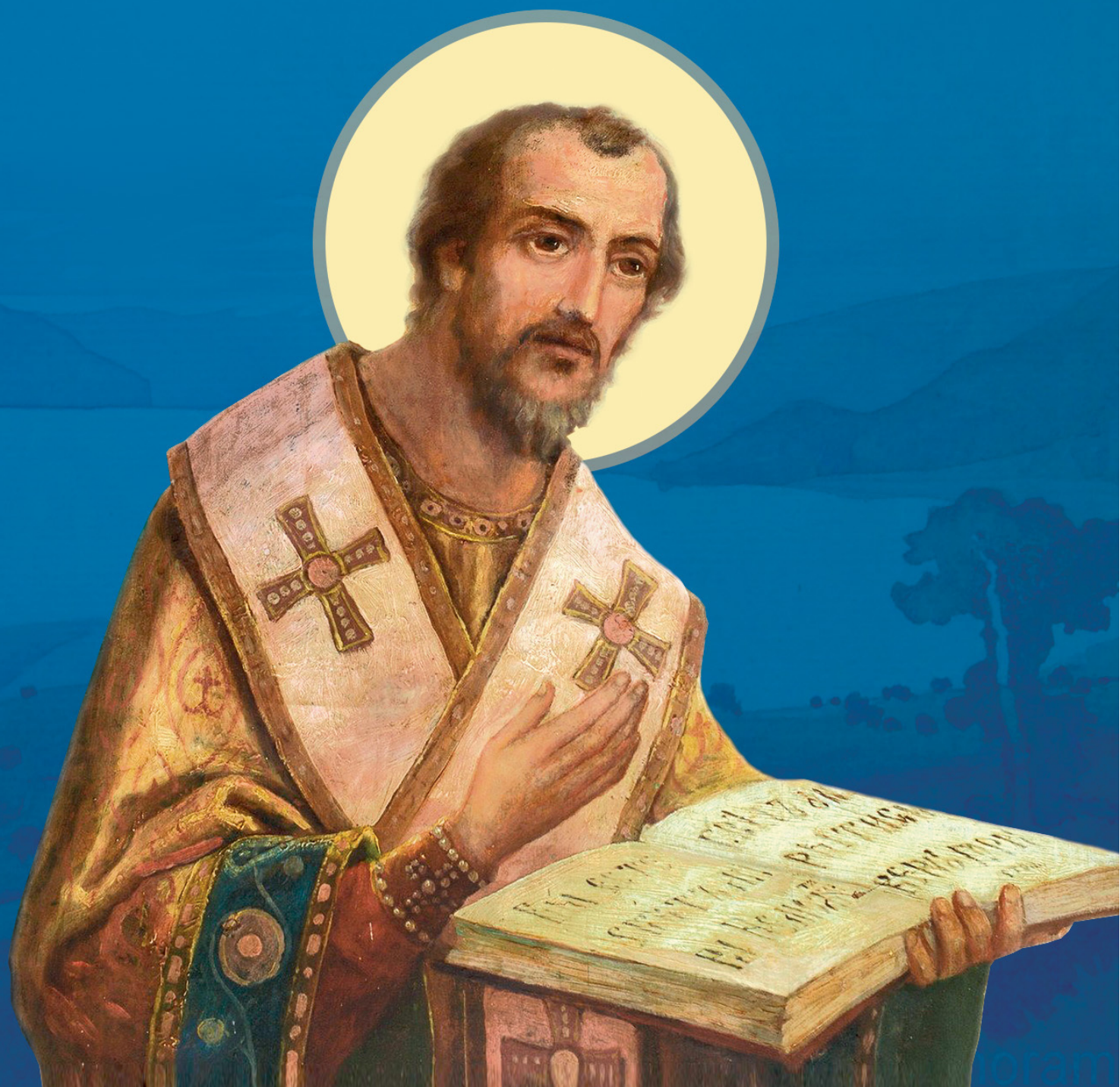

Святитель Иоанн Златоуст

БЕСЕДЫ О ПОКАЯНИИ

Святитель Иоанн Златоуст

Беседы о покаянии

«Благовест»

2017

УДК 276
ББК 86.372

Златоуст С.

Беседы о покаянии / С. Златоуст — «Благовест», 2017

ISBN 978-5-9968-0549-5

В этой книге представлено 9 бесед святителя Иоанна Златоуста к народу Антиохии о покаянии. В них он на основе свидетельств Священного Писания и многих библейских примерах показывает важность, условия и спасительность деятельного покаяния перед Богом в своих грехах и отступлениях от обетов, данных христианином в Таинстве Крещения.

УДК 276
ББК 86.372

ISBN 978-5-9968-0549-5

© Златоуст С., 2017
© Благовест, 2017

Содержание

Беседа первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Святитель Иоанн Златоуст

Беседы о покаянии

*Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС Р17-648-3666*

© Издательство «Благовест» – текст, оформление, оригинал-макет, 2017

Беседа первая *О покаянии (по возвращении из села)*

Помнили ли вы о нас, когда мы в течение этого времени были в разлуке с вами? Я так никогда не мог забыть вас, но и, оставив город, не оставил памяти о вас. Как любящие красоту телесную, куда бы ни пошли, везде носят с собою любимый образ, так и мы, возлюбив красоту вашей души, всегда носим с собою прекрасный образ вашего духа. И как живописцы, смешивая различные краски, делают изображения тел, так и мы вашу ревность к собраниям, усердие к слушанию, благосклонность к проповеднику и все другие добрые дела смешав, как бы различные краски добродетели, начертали образ вашей души и, поставив его перед очами ума, от созерцания его получали немалое утешение в разлуке с вами. И этим мы занимались постоянно: и когда сидели дома и вставали, и когда ходили и отдыхали, и когда входили и выходили, всегда представляли себе вашу любовь.

И этим созерцанием услаждались мы не только днем, но и ночью; с нами тогда было то же, о чем сказал Соломон: *Я сплю, а сердце мое бодрствует* (Песн. 5, 2); потребность сна смыкала наши вежды, но сила любви вашей пробуждала от сна очи души моей; и часто казалось мне, будто я во сне беседую с вами. И в самом деле, душа обыкновенно ночью представляет то, о чем размышляет днем; это же было тогда и с нами: и, не видя вас плотскими глазами, я видел вас очами любви, и, не быв с вами телом, был с вами душою, а уши мои постоянно оглашались вашим воплем. И хотя болезнь телесная и побуждала меня оставаться в селе долее и пользоваться целительным для плотского здоровья воздухом, но сила любви вашей не позволяла этого; напротив, вопияла и не переставала докучать до тех пор, пока не заставила меня встать еще раньше надлежащего времени и ваше сообщество поставить наравне и со здоровьем, и с наслаждением, и со всем, что только есть доброго. И мы, склонившись на ее убеждения, предпочли возвратиться с остатками болезни, чем, стараясь о совершенном исцелении от немощи телесной, опечаливать долее любовь вашу.

Живя там, я слышал ваши упреки – частые письма доносили их до нас; и упрекающим я внимал не менее, чем хвалящим, потому что упреки те были выражением души, умеющей любить. Вот почему я встал и поспешно пришел; вот почему я никогда не мог выкинуть вас из своего ума! И что удивительного в том, что я, живя в селе и наслаждаясь свободой, помнил о вашей любви, когда Павел, обложенный узами, живя в темнице и видя бесчисленное множество грозивших ему опасностей, и в темнице, как бы среди луга, помнил о братьях и писал им так: *Как и должно мне помышлять о всех вас, потому что я имею вас в сердце в узах моих, при зашищении и утверждении благовествования* (Флп. 1, 7).

Снаружи цепь от врагов, а внутри цепь любви к ученикам; но наружная цепь выкована из железа, а внутренняя составлена из любви; ту часто он и снимал, а этой никогда не разрывал. Напротив, как жены, испытавшие болезни рождения и сделавшиеся матерями, всегда привязаны бывают к своим детям, где бы они ни были, так или еще гораздо крепче их и Павел всегда привязан был к ученикам своим, и тем крепче, чем болезненнее духовное рождение плотского. В самом деле, и он был в муках рождения, и не однажды, но для одних и тех же дважды, и потому вопиял: *Дети мои, для которых я снова в муках рождения* (Гал. 4, 19). Этого никогда не может испытать жена, никогда не вытерпит она в другой раз те же муки рождения; а Павел вытерпел то, чего нельзя видеть в природе: он снова зачал тех, которых уже раз родил, снова перенес для них жестокие муки рождения. Поэтому, желая пристыдить их, он и говорил: «Для которых я снова в муках», как бы разумея: «Пощадите меня; никакой сын в другой раз не подвергал матерного чрева мукам рождения, а вы заставляете меня терпеть это». Притом те болезни мучат одно мгновение и прекращаются, коль скоро дитя выйдет из утробы матерней,

а эти не так; напротив, продолжают даже по целым месяцам. Павел часто по целому году был в муках рождения и не мог родить зачатых им. Там труд плоти, а здесь болезни терзают не чрево, но поражают саму силу души. И, чтобы увериться, что эти болезни духовного рождения тяжелее, подумай, какая мать решилась когда-либо пойти в геенну за своих детей? А Павел не только решается пойти в геенну, но и желает отлучен быть от Христа, только бы ему родить иудеев, для которых он всегда и непрерывно был в муках рождения. И так как это не сбывалось, то он с горестью говорил: *великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему* (Рим. 9, 2). И опять: *Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос* (Гал. 4, 19).

Что блаженнее той утробы, которая могла рождать таких детей, кои способны иметь в себе Христа? Что плодоноснее той, которая родила всю вселенную? Что сильнее той, которая родившихся и возросших недоносков могла снова зачать и преобразовать? Это в естественных родах невозможно. Но почему Павел не сказал: «Дети мои, которых рождаю», но: «для которых я снова в муках рождения», хотя в другом месте говорит о себе, что он рождает: *я родил вас во Христе Иисусе благовествованием* (1 Кор. 4, 15)? Потому, что там он хотел показать только сродство, а здесь старался выставить и труд. Как же он называет чадами тех, которые еще не родились? Если он болезнует, значит, еще не родил: как же называет чадами?

Дабы ты знал, что он терпит уже не первые муки рождения; и этого довольно было, чтобы пристыдить галатов. «Я, – говорит, – был уже раз отцом и перенес для вас, какие следовало, муки рождения; и вы раз сделали уже чадами. Для чего же снова подвергаете меня вторичным мукам рождения, для чего же снова терзаете меня болезнями?» В самом деле, падения верных причиняли ему не меньшую скорбь, чем грехи еще не уверовавших: невыносимо тяжело было видеть, как верующие после участия в таких Таинствах уклонялись в нечестие. Поэтому он весьма горько и жалобнее всякой жены плакал и говорил: *Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос* (Гал. 4, 19).

А это говорил он для того, чтобы в то же время и ободрить, и устрашить галатов. Показав, что Христос не изобразился в них, Павел поверг их в смущение и страх; а, дав понять, что Он может изобразиться, опять возбудил в них бодрость. Слова – доколе не изобразится – показывают и то, что Христос еще не изобразился, и то, что Он может снова изобразиться. Если бы это было невозможно, то Павел напрасно бы и говорил им: *доколе не изобразится в вас Христос*, и обольщал бы их суетными надеждами.

2. Итак, зная это, не станем и мы отчаиваться, но и не будем совершенно беспечны: то и другое пагубно. Отчаяние не позволяет встать лежащему, а от беспечности падает и стоящий; то обыкновенно лишает приобретенных благ, это не позволяет избавиться от постигших зол. Нерадение низвергает и с самого неба, а отчаяние сводит в самую бездну зла, тогда как отсутствие отчаяния скоро изводит и оттуда. Вот смотри на силу того и другого. Дьявол прежде был добр, но, сделавшись беспечным и отчаявшись, пал в такую злобу, что после уже и не восстал. А то, что он был добр, – так послушай, что Христос говорит: *Я видел сатану, спавшего с неба, как молнию* (Лк. 10, 18).

Сравнение с молнией показывает и светлость прежнего состояния, и быстроту падения. Павел был хулитель, и гонитель, и обидчик; но так как возревновал и не предался отчаянию, то и восстал, и сделался равным Ангелам. Напротив, Иуда был апостолом, но, предавшись беспечности, сделался предателем. Разбойник, так как не отчаялся и после такой злой жизни, то прежде всех других вошел в рай; фарисей, по самонадеянности, пал с самого верха добродетели; мытарь, не поддавшись отчаянию, так исправился, что опередил и фарисея. Хочешь, покажу тебе и целый город, сделавший это? Так спасся целый город ниневитян. Хотя приговор повергал их в отчаяние, так как пророк не сказал, что если они покаются, то спасутся, но просто: *Еще три дня, и Ниневия будет разрушена* (Иона 3, 4), однако же, несмотря на то, что Бог

угрожал, и пророк вопиял, и приговор не допускал ни отсрочки, ни ограничения, они не пали духом и не потеряли доброй надежды.

Бог для того не сделал в этом приговоре ограничения и не сказал: «Если покаются, то спасутся», чтобы и мы, когда услышим Божий приговор, произносимый без ограничения, тоже не отчаивались и не унывали, взирая на пример ниневитян. Но человеколюбие Бога видно не из того только, что Он, хотя и не сделал ограничения в приговоре, однако же, примирился с покаявшимися, а даже из того, что произнес безусловный приговор. Он сделал это, чтобы увеличить в ниневитянах страх и поразить великую их беспечность. Да и само время покаяния показывает неизреченное Его человеколюбие: что могли значить три дня, чтобы загладить столь великие пороки? Не видишь ли, как и отсюда открывается Божия попечительность? Она-то преимущественно и содействовала спасению этого города.

Итак, зная это, не будем никогда отчаиваться, потому что нет ни одного столь сильного оружия у дьявола, как отчаяние. И мы не так радуем его, когда грешим, как – когда отчаиваемся. Можешь видеть на блуднике, как Павел страшился отчаяния больше греха. Обращаясь к коринфянам, он так говорил: *Есть верный слух, что у вас появилось блудодеяние, и притом такое блудодеяние, какого не слышно даже у язычников* (1 Кор. 5, 1). Не сказал: «на какое не решаются даже между язычниками», но: «какого не слышно», то есть, что у них нетерпимо даже по имени, на то у вас дерзнули самим делом. И вы возгордились. Не сказал: «и он, блудник, возгордился»; но, оставив согрешившего, обращается к здоровым, подобно тому как поступают врачи, которые, оставив больного, много говорят с родными его. С другой стороны, и сами здоровые были причиной гордости его, потому что не осуждали и не устрашали его.

Поэтому Павел сделал вину общей, чтобы удобнее было лечение раны. Худо грешить, но еще гораздо хуже гордиться грехами. Если надмение праведностью уничтожает праведность, тем более надмение грехами причинит нам крайний вред и будет гораздо виновнее самих грехов. Поэтому Господь говорит: *Когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие* (Лк. 17, 10). Если же сотворившие всё должны уничтожать себя, тем более грешнику прилично и плакать, и считать себя между последними. Именно на это указывая тогда, апостол говорил: *вместо того, чтобы лучше плакать* (1 Кор. 5, 2).

Что говоришь? Другой согрешил, а я буду плакать? «Да, – говорит, – потому что все мы связаны между собой наподобие тела и членов, а в теле мы видим, что если и нога получит рану, то склоняется голова. Что, кажется, почетнее головы? Но она не смотрит на свое достоинство во время несчастья; так и ты поступи». Поэтому Павел и увещевает радоваться с радующимися и плакать с плачущими (см. Рим. 12, 15). Поэтому и коринфянам он говорит: *вместо того, чтобы лучше плакать, дабы изъят был из среды вас сделавший такое дело* (1 Кор. 5, 2). Не сказал: «и вы не постарались», – но что? Вместо того чтобы лучше плакать, как будто всеобщая болезнь и зараза постигла город.

Как бы так говорит он: «Потребны молитва, и исповедь, и усердные моления, чтобы эта болезнь была изгнана из всего города». Видишь, какой навел на них страх?

Они думали, что зло остановилось только на согрешившем, и потому апостол возбуждает в них беспокойство, говоря: *Разве не знаете, что малая закваска квасит все тесто?* (1 Кор. 5, 6) А это значит вот что: зло, распространяясь мало-помалу, касается и прочих членов; поэтому тебе нужно озаботиться, как подобает пекущемуся об общем бедствии.

Не говори мне, что он согрешил один; посмотри на то, что этот грех есть некоторого рода яд и от одного члена распространяется по всему остальному телу. И как во время пожара, и те, которые еще не пострадали от него, суетятся не менее подвергшихся уже этому несчастью и употребляют все усилия, чтобы огонь, распространяясь, не дошел и до их дверей; так и Павел возбуждает коринфян, говоря: «Пожар занялся; предупредим несчастье; погасим пожар, пока он не объял Церковь». Если же ты не обращаешь внимания на грех, потому что он совершился

в теле другого, то и в этом случае поступаешь весьма худо: ведь согрешивший есть член всего тела Церкви.

3. Но смотри еще на то, что, если ты поленишься и не обратишь внимания на чужой грех, он когда-нибудь овладеет и тобой. Посему, если не ради брата, то, по крайней мере, ради самого себя воспряни и останови заразу, не дай распространяться яду и прекрати губительный недуг. Итак, сказав это и больше этого, и повелев предать грешника сатане, Павел после того, как грешник переменялся и сделался лучше, говорит: *Для такого довольно сего наказания от многих... И потому прошу вас оказать ему любовь* (2 Кор. 2, 6, 8).

Так как он всем представил его как общего врага и неприятеля, отлучил от стада и отсек от тела, то смотри, сколько употребляет теперь старания, чтобы снова сблизить и присоединить его. Не просто сказал: «полюбите его», но – *прошу вас оказать ему любовь*, то есть покажите любовь твердую и неизменную, жаркую, горячую и пламенную; покажите благосклонность, равносильную прежней вражде. «Что случилось, скажи мне? Не сатане ли ты предал его?» – «Да, – говорит, – только не для того, чтобы он оставался в руках сатаны, но чтобы скорее избавился из-под власти его. Смотри же, насколько Павел, как я сказал, боялся отчаяния, как сильного оружия дьявола. Сказав: *прошу вас оказать ему любовь*, присовокупляет и причину: *дабы он не был поглощен чрезмерною печалью* (2 Кор. 2, 7). «Овца, – говорит, – в пасти волка, поспешим же, исхитим ее, пока волк не проглотил и не погубил нашего члена».

Корабль обуревается волнами: постараемся спасти его, пока не потонул. Как ладья тонет, когда море воздымается и волны восстают со всех сторон, так и душа, когда отовсюду обнимает ее печаль, скоро гибнет, если никто не подаст ей помощи; и спасительная печаль о грехах от неумеренности становится губительной. И смотри, какая точность в словах. Не сказал: «Да не погубит его дьявол», но что? «Да не будем обижены от сатаны» (см. 2 Кор. 2, 11); а здесь слово «обида» значит похищение чужого. Итак, показав, что согрешивший через покаяние сделался уже чужим для дьявола и своим в стаде Христовом, Павел говорит: «Да не будем обижены от сатаны», потому что если сатана и после этого будет удерживать его, то он похищает уже наш член, берет овцу из нашего стада, так как тот уже сложил с себя грех через покаяние.

Так Павел, зная, что сделал дьявол с Иудой, боялся, чтобы и здесь не случилось то же самое. Что же сделал дьявол с Иудой? Иуда раскаялся: *согрешил я*, – говорит, – *предав кровь невинную* (Мф. 27, 4). Услышав эти слова, дьявол понял, что Иуда вступает на путь к лучшему и идет ко спасению, – и устранился такой перемены. «Человеколюбив, – говорит, – Господь: когда хотел Иуда предать Его, Он плакал о нем и многократно вразумлял его, – не гораздо ли более примет его кающегося? Когда он был неисправим, и тогда влек и звал его к Себе, – не гораздо ли более привлечет к Себе исправившегося и познавшего свой грех? Для этого-то Он пришел и на распятие». Что же сделал дьявол? Смутил Иуду, омрачил чрезмерностью печали, гнал, преследовал, пока не довел до петли, пока не вывел из настоящей жизни и не лишил намерения покаяться.

А то, что и Иуда спасся бы, если бы остался жив, это видно из примера распинателей. Если Господь спас вознесших Его на Крест и на самом Кресте умолял Отца и просил им прощения в грехе, то явно, что Он со всем благоволением принял бы и предателя, если бы этот принес надлежащее покаяние. Но тот не в состоянии был воспользоваться сим врачевством, поглощенный чрезмерной скорбью. Этого-то именно опасаясь, Павел понуждает коринфян исхитить того человека из челюстей дьявола. И зачем говорить о том, что было у коринфян? Петр трижды отрекся после участия в Таинствах, но слезами загладил все. Павел был гонитель, богохульник и обидчик, гнал не только Распятого, а также и всех последователей Его, но – раскаялся и стал апостолом. Бог требует от нас только малого повода и дарует нам отпущение многих грехов. Скажу вам и притчу, которая служит подтверждением этого.

4. Были два брата; они разделили между собой отеческое имение, и один из них остался дома, а другой прожил все, что было ему дано, и ушел в чужую сторону, будучи не в состоя-

нии переносить стыда от бедности. Эту притчу нашел я нужным сказать для того, чтобы вы знали, что отпускаются и грехи, сделанные после крещения, если мы будем внимательны. А это говорю не для того, чтобы вовлечь вас в беспечность, но чтобы отвлечь от отчаяния, потому что отчаяние причиняет нам больше зла, нежели беспечность.

Итак, этот блудный сын представляет собой образ падших после крещения. А то, что он означает падших после крещения, видно вот откуда: он называется сыном, а сыном никто не может назваться без крещения. Он и жил в доме отеческом, и получил долю во всем отеческом имуществе, а прежде крещения нельзя ни воспользоваться отеческим достоянием, ни получить наследство. Таким образом, все это указывает нам на общество верных. Притом, блудный сын был братом жившего честно, а братом не мог быть без духовного возрождения. Итак, этот блудный сын, дойдя до крайней степени порока, что говорит? Возвращусь опять к отцу моему (см. Лк. 15, 18). Отец для того и отпустил его и не помешал ему уйти на чужую сторону, чтобы он на опыте узнал, сколько получал благодеяний, живя дома.

И Бог часто, когда не убедит словами, дает урок самими делами, – об этом Он говорил иудеям. Так Он, когда, потратив через пророков множество слов, не убедил и не склонил их, то, определив дать им урок наказанием, говорит к ним: *Накажет тебя нечестие твое, и отступничество твое обличит тебя* (Иер. 2, 19). Следовало бы верить Ему и прежде самого события, но так как они были настолько бесчувственны, что не верили Его увещаниям и советам, коими Он предотвращает их от порока, то Он уже попускает самим событиям вразумить их, дабы хотя таким образом снова привлечь их к Себе.

Когда же блудный сын, уйдя на чужую сторону и познав опытом, как губительно удаление из дома отеческого, возвратился, отец не позлопамятствовал, но принял его с распростертыми руками. Отчего же так? Оттого, что он был отец, а не судья. И вот уже ликования и пиршества, и праздники, и светел и радостен стал весь дом! «Что говоришь? Это ли плата за порок?» – «Не за порок, человек, но за возвращение в дом; не за грех, но за покаяние; не за худые дела, но за исправление». И что еще больше, – когда старший сын огорчился этим, отец и его ласково успокоил, говоря: *Сын мой! Ты всегда со мною... А о том надобно было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил* (Лк. 15, 31–32). «Когда, – говорит, – нужно спасти погибшего, то тут время не суда и строгого исследования, но только человеколюбия и прощения».

Ни один врач, вместо того чтобы дать лекарство больному, не подвергает его взысканиям и наказанию за беспорядочную жизнь.

Если же блудному сыну надлежало непременно понести и наказание, то достаточным наказанием для него была жизнь на чужой стороне. Ведь столько времени он провел вдали от нашего сообщества, боролся и с голодом, и с унижением, и с крайними бедствиями. Поэтому говорит: *брат твой сей был мертв и ожил*. «Не смотри, – говорит, – на настоящее, но подумай о великости прежнего несчастья; перед тобой брат, а не чужой». Он возвратился к отцу, который не может помнить прежнего, а охотнее помнит только то, что может побудить к состраданию, милосердию, любви и снисходительности, свойственной родителям. Поэтому и сказал отец не о том, что сделал блудный сын, но о том, что он потерпел; напомнил не о том, что он истратил имущество, но о том, что перенес множество несчастий.

С такой же или еще с большей ревностью искал пастырь овцу. Здесь сын сам возвратился, а там сам пастырь пошел и, найдя овцу, привел ее и радовался о ней больше, чем обо всех, возвратившихся благополучно. Смотри еще, как и возвратил: не бичом погонял, но, возложив на плечи, принес и снова соединил со стадом. Итак, зная, что Бог не только не отвращается от обращающихся, но и принимает их не хуже добродетельных, что не только не подвергает наказанию, но и Сам идет отыскивать заблудших и, найдя их, радуется о них более, чем о тех, которые были в безопасности, не будем ни отчаиваться, согрешив, ни излишне надеяться на

добрые дела, но и, живя добродетельно, будем бояться, чтобы от излишней надежды не пасть, а, когда согрешим, станем каяться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.